

визия получила приказ взять город обратно. Батальон перебросили на машинах к месту расположения артиллерийских позиций, и он стал в резерве.

На рассвете артиллерия открыла огонь. Ее поддержал бронепоезд. Вскоре вперед ринулись танки, расчищая путь пехоте. Враг был выбит из города решительной и мощной атакой. Но на северной его окраине в руках у фашистов остался дот, контролировавший большой участок. Он заново вклинивался в новую линию обороны наших войск.

Такова была обстановка, когда в бой пошел ударный батальон. Командование приказало уничтожить дот и потеснить противника дальше на север.

Выдвинувшись на исходный рубеж, батальон готовился к атаке. Солдаты залегли в небольших, наспех отрытых окопах и ждали сигнала. Впереди роты Гольмана находилась деревня, наполовину разрушенная снарядами, уцелевшие строения немцы подожгли, и они горели всю ночь.

Наступило утро 22 сентября 1941 года. В небе появились наши самолеты. Они прочесали передний край обороны противника, затем, после артподготовки, роты батальона пошли в атаку. Фашисты встретили их плотным огнем. И вторая рота залегла. Шквальный огонь вел дот. Иван поправил сумку и, бросив капитану: «Я со второй», — быстро вышел из блиндажа.

Когда комиссар оказался в расположении второй роты, немцы открыли сумасшедший огонь из минометов. Лобачик быстро оценил обстановку. Если сейчас не поднять бойцов в атаку, немец окончательно придет в себя, и тогда его будет еще труднее выбить из деревни. И, как всегда спокойно, поднялся комиссар и громко, перекрывая шум боя, выкрикнул: «За Родину! За мной, товарищи!»

И люди дружно поднялись и пошли за комиссаром. Вот уже враг выбит из деревни, и лавина бойцов с криками «Ура!» катится к роще, где захлебывается в бешеной злобе пулемет дота. Все ближе дот, уже ясно виден его бронированный колпак. Но все чаще падают бойцы, сраженные огнем пулемета. К доту добегают не более двадцати бойцов и с ними комиссар. Они залегли в тридцати-сорока метрах от дота. Комиссар — с гранатой в руке. Бросать ее на таком расстоянии — нет смысла. Нужен еще один, последний рывок, и дот будет наш.

Но как трудно преодолеть эти последние метры, как тяжело подниматься, как не хочется умирать. И как помимо твоей воли страх

сковывает тебя. Бойцы смотрят на комиссара. Вот он, Иван, тот момент, когда тебе нужно быть спокойным, когда ты обязан подняться и поднять людей, чьей совестью ты сейчас стал. И он поднимается.

— За Ленинград, вперед! — последние его слова.

И цепь поднялась, и он еще пробежал несколько шагов, уже сраженный пулей, и гранаты бойцов заставили замолчать дот, и сзади неслось могучее «ура!», а он всего этого уже не слышал.

Иван лежал с гранатой в одной руке и с автоматом в другой, лежал весь устремленный вперед.

Но комиссар, оказывается, не умер. Он был тяжело ранен в десяти метрах от дота и потерял сознание. Меж тем бой снова разгорелся с необычайной силой. И деревушка эта опять переходила из рук в руки. И когда через два часа батальон вновь отбил ее у врага, комиссара не могли найти и в числе мертвых. Фашисты его и нескольких плененных утащили к себе в окопы.

Немцы бросили не приходившего еще в сознание раненого комиссара вместе с другими пленными в сарай. Он лежал на грязной соломе в разорванной гимнастерке. Реглан, сапоги, ремни — все было снято. Кто-то из бойцов перевязал комиссару раны. Две пули — одна в грудь, вторая — в плечо. Раны кровоточили, и бинты набухли от крови. Кто-то прикладывал к голове холодную мокрую тряпку.

Когда Иван очнулся, он увидел в щели сарая какие-то яркие всполохи. Попытался встать, но, застонав от боли, снова бессильно опустил голову.

— Жив, товарищ комиссар? — зашептал чей-то голос.

— Где я? — спросил он тихо.

— В плену у немца.

Все ясно. Неужели конец? Нет, нельзя распускаться. Еще могут прийти на выручку свои, еще можно бежать, драться. Драться? Навряд ли, да и бежать — тоже. Видно, здорово изрешетили немцы. Но все-таки что же делать? Мысли одна безрадостней дру-